

НЕОКАНТИАНСТВО П. И. НОВГОРОДЦЕВА: К ПОЛЕМИКЕ НОВГОРОДЦЕВА И САВАЛЬСКОГО¹

Аннотация. В статье приводится анализ одного эпизода из жизни двух российских ученых, а именно дискуссии П. Новгородцева со своим учеником В. Савальским. Вся пикантность эпизода заключена в том, что оба оппонировавших друг другу отечественных мыслителя являлись последователями неокантианского направления в философии, отстаивали концепцию естественного права. Кроме того, приводится развернутая характеристика жизни и творчества малоизвестного философа права Василия Александровича Савальского. Отмечается, что в начале своего научного поиска он стал основным исследователем и критиком учений неокантианцев в России. Во время работы в Варшавском университете В. А. Савальский исследовал проблемы истории и теории государства и права, конституционного права.

Ключевые слова: русское и немецкое неокантианство, философия права, Г. Коген, И. Кант.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.151-162

Прежде чем обратиться к краткому анализу существа полемики между двумя отечественными теоретиками права, необходимо пояснить, кто такой этот оппонент известного русского философа, правоведа, организатора науки Павла Ивановича Новгородцева. К сожалению, мы до сих пор мало знаем о непростой судьбе и личности оригинального отечественного мыслителя, выпускника юридического факультета Московского университета, ученика Новгородцева — Василия Александровича Савальского. Как мы узнаем из некролога, написанного другом Савальского, Б. Вышеславцевым, В. А. Савальский (1873—1915) родился на Кавказе, в станице Прохладное Терской области (о родителях его пока выяснить ничего не удалось, но по тому факту, что Василий Алек-

сандрович почти всю свою жизнь прожил в, мягко говоря, скромных условиях, а часто просто нуждаясь в средствах для пропитания, можно сделать вывод, что они скорее всего рано умерли и были небольшого достатка). Сначала обучался в духовной семинарии Владикавказа, но затем, поставив себе цель поступить в университет, перешел в Кавказскую классическую гимназию, которую окончил в 1895 г. с золотой медалью. В том же году поступив на юридический факультет Московского университета, Савальский и здесь остается одним из лучших студентов. Так, за свое студенческое сочинение «Учение Спинозы о праве и государстве» он получает золотую медаль. О его успехах в учебе и исследовательской работе в стенах университета свидетельствует и тот факт, что в 1899 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке инициативной темы НИР № 100412-0-000 «Наука и миф».

© Белов В. Н., 2019

* Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов
belovvn@rambler.ru
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

он был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Здесь необходимо заметить, что в выборе наставника и учителя Савальский руководствуется уже сложившимися собственными интересами и предпочтениями. Так, несмотря на господствовавшие в конце XIX в. на юридическом факультете позитивистские настроения, он останавливает свой выбор на П. И. Новгородцеве, тогда еще малоизвестном молодом доценте, который придерживался идеалистических взглядов. По установившейся в отечественных университетах традиции начинающий ученый получает возможность отправиться на обучение и исследование за границу; он едет в Гейдельберг, где слушает лекции Куно Фишера и Еллинека.

По возвращении в Москву преподавал философию на коллективных курсах воспитательниц и учительниц, а затем руководил практическими занятиями по философии на возродившихся в 1900 г. Высших женских курсах. В 1902 г. Савальский успешно сдал магистерский экзамен и прочел две пробные лекции — «Понятие солидарности у Огюста Конта» и «Положение третьего сословия в идеальном государстве Платона». В 1904 г. стал приват-доцентом Московского университета. В начале 1905 г. получил двухгодичную командировку за границу. Первый год он проводит в Берлине и Фрайбурге, затем едет в Марбург и Галле, откуда возвращается в Москву с материалами для диссертации. В 1908 г. он публикует свою монографию «Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.», которую в следующем году защищает в качестве диссертации. В 1910 г. Савальский избирается профессором Варшавского университета на кафедру государственного права, на которой и работает вплоть до начала Первой мировой войны. Кроме университета, он преподает также на Высших женских юридических курсах. Сборник своих лекционных курсов он издает в 1912 г. под заглавием «Государственное право общее и русское. Конспект лекций» (на правах рукописи). После эвакуации Варшавы Савальский живет в Москве в семье своего друга К. К. Ноффафта и продолжает, несмотря на болезнь, работать над сочинением, которое начал писать еще в Варшаве: «Государство как предмет возможного опыта». Судя по оглавлению, которое приведено Вышеславцевым, — это фундаментальное сочинение, охватывающее и огромный

исторический пласт и проблемы конкретно-содержательного характера, связанные с темами определения понятия, взаимосвязи государства с культурой, правом и нравственностью. Работа над этой книгой была в основном закончена, однако опубликовать ее не удалось. Последовала неожиданная смерть автора от рака, а потом ввиду бурных социально-политических событий в истории России вообще стало не до нее.

Хотелось бы добавить к этим биографическим строкам несколько строк, характеризующих В. А. Савальского как личность, написанных другим его близким другом А. А. Боровым: «Василий Александрович Савальский, безвременно умерший в звании профессора философии права Варшавского университета, как характер был на редкость оригинальным человеком. <...>

Савальский был “божьей милостью” философом, отнюдь не в академическом смысле. Он прошел традиционную школу и был оставлен при университете проф. Новгородцевым за сочинение о Спинозе. Потом он стал угарным кантианцем — о Канте мог говорить с утра до ночи. Мы с Климентовым жестоко дискутировали с ним во имя “экономического материализма”. Последующими, значительно слабейшими его симпатиями были неокантианцы — Виндельбанд, Владимир Соловьёв. Последней, но пламенной его любовью была Марбургская школа и особенно глава ее — Г. Коген. Этой школе он посвятил свою диссертацию. С непривычной в университетских кругах смелостью, с искренностью и жаром человека, нашедшего истину, он обрушился в ней на московских кантианцев, в том числе и на своего “учителя” — Новгородцева. Диссертация была пропущена, но “карьера” Савальского испорчена. Последователь “марбургского Канта” на Москву более рассчитывать не мог. Он и Новгородцев обменялись полемическими статьями — Савальский солидно и с достоинством, Новгородцев, задетый в философском генеральстве, без всякого достоинства... И Савальский поехал философствовать в Варшаву. Но здесь его работа продолжалась недолго. В самом начале мировой войны он умер от рака. Смерть его ужасно потрясла его друзей. <...>

Савальский был тяжелодум. Он не сверкал фейерверками мыслей. Реплики собеседников давали ему немалую работу. Он гмыкал, размышлял, заключать не торопился, никогда не позволял обхода темы, фальсификации вопроса. Эвристических рецептов Шопенгауэра не признавал и в шутку. Ко всему подхо-

дил по существу и каждый вопрос решал по своему *a'fond*. Его окончательные приговоры были всегда оригинальны, глубоки, изящны. Он в полной мере обладал искусством тонкой, исчерпывающей формулировки. И главное, был не только философ, но поэт. Философская проблема была для него лирической поэмой. И только когда он осваивал до конца ее — тональность, ее ритм, он, точно порывом вдохновения, высказывал свое *credo* в безупречно-точной форме. Он был влюблен в “гений” философии, и его чувствительность была огромна. Кладбище, базар, качели, проститутка — они мгновенно заряжали его мозг, и самые стертые привычные явления вырастали вдруг в проблемы, которые он тут же важно, почти торжественно пытался разрешать. По части тем напоминал он Зиммеля, превосходившего его талантом и еще более творческой производительностью. Очень хорошо и метко определил его способность философствования — везде, всегда и по каждому предмету — один из его друзей, назвав его Сократом. В Савальском, действительно, было нечто от греческого философа, не нуждавшегося ни в магистерских экзаменах, ни в диссертациях, чтобы стать философом»².

«Савальский был тяжелодум», но настойчивым и последовательным в поисках ответов на мучавшие его и его современников вопросы. Причем эти поиски были нацелены на поиск ответов, включенных в единую систему гуманитарной науки, которая в своей целостности и фундаментальности охватывала бы все сферы индивидуального и социального бытия человека. Метафизические системы не могли здесь удовлетворить его пылливый ум своим отсылком к основаниям, в которых прекращает работу критическая мысль и никакие рассуждения уже ничего не дадут, в них можно только верить. И какими же были его научный восторг и вдохновение, когда он обнаруживает такую открытую критическую систему в марбургском неокантианстве и особенно в построениях главы этой школы — Германа Когена. В этой системе он открывает новаторские, продуктивные идеи, сохраняющие дух критической философии Канта и в то же время развивающие ее не в сторону объективно-метафизического идеализма Гегеля или субъективно-метафизического идеализма Фихте, но в сторону более выверен-

ной и понятной ее приложимости к истории, государству и праву. С этого времени Савальский становится апологетом марбургской школы неокантианства, что в определенном смысле мешало воспринимать философские построения ее основных представителей с достаточной степенью самостоятельности и критичности, на что как на главный недостаток в исследованиях отечественного ученого указывали и некоторые его критики, в частности П. И. Новгородцев, Б. В. Яковенко, Б. А. Фохт. Он был весь захвачен перспективой создания единой системы гуманитарных наук по схеме теории естественных наук, которая в наиболее разработанном и совершенном виде содержалась в «Критике чистого разума» Канта.

«Савальский был тяжелодум» и долго готовил свои исследования для публикации. Поэтому их и не так много, можно сказать, что даже мало. В период подготовки своего главного опубликованного труда, магистерской работы «Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.» (второй том которой так и не был написан), у Савальского вышло лишь несколько кратких критических обзоров русских и зарубежных авторов, занимающихся проблемами философии права. Здесь обращает на себя внимание статья «Введение в философию права», напечатанная в журнале «Критическое обозрение» за 1907 г. Сравнительно небольшая статья содержит емкий и глубокий анализ 11 объемных исследований на русском и немецком языках. Савальский проводит классификацию анализируемых работ по принципу принадлежности концепций их авторов той или иной школе философии права. Меньше всего его интересуют позитивистские теории права, ввиду того что их несостоятельность уже ясно продемонстрирована в критике отечественных мыслителей Соловьева и Чичерина. Поэтому внимание Савальского привлекают те концепции, которые включают в свой теоретический арсенал идеи теории естественного права. Среди таковых, по его мнению, следует выделить переходные концепции, которые демонстрируют положительную динамику своей эволюции от теории позитивизма к учениям школы естественного права. К ним Савальский относит правовые концепции Еллинека, Менгера, Петражицкого и Хвостова. И среди концепций

² Цит. по: Рябов П. В. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А. А. Борового // Кантовский сборник. 2010. № 4. С. 99.

естественного права отечественный философ отмечает неоднородность, которая позволяет ему разделить их на метафизические и критические.

К метафизическому варианту концепции естественного права Савальский относит позиции в философии права Соловьева, Чичерина и Е. Трубецкого. В заслугу этого подхода он определяет возобновление дискуссии вокруг проблем соотношения права и нравственности.

Однако наибольший интерес для него представляют концепции естественного права, которые в правовой теории стремятся провести кантовскую установку освобождения правовых понятий и идей от метафизики и мистики. Напоминая о том, что немецкое неокантианство, продолжающее традиции трансцендентального философствования, неоднородно и представлено двумя крупнейшими школами — баденской и марбургской, — Савальский настаивает на том, что баденский вариант неокантианства, а соответственно и правовые концепции, базирующиеся на философских учениях Виндельбанда и Риккерта, в своем развитии критической философии Канта попадают в ловушку психологизма. В решении этической проблематики данное направление предпочитает ориентироваться на философию Фихте, что заключает в себе опасность рецидива метафизики и психологизма. Не лишены указанного недостатка, по мнению Савальского, и правовые концепции известных отечественных теоретиков права П. Новгородцева и Б. Кистяковского. Вот что он, в частности, пишет по поводу просчетов своего учителя П. И. Новгородцева: «В целом ряде положений, что “нравственное начало не подлежит критике и обоснованию”, что вещь в себе существует как *ens realis* и причина умопостигаемого характера, что генетический и систематический методы движутся по типу двух параллельных плоскостей, что основополагающее понятие в моральном учении Канта составляет категорический императив, что это учение есть индивидуализм и формализм и проч., — во всех этих положениях автор не защитил свою критическую философию от прямо противоположных утверждений критической же философии марбургской школы. Указанная

сторона критической философии Новгородцева нуждается, очевидно, в восполнении»³.

Более выверенной в части решения логической и этической проблемы кантовской философии Савальский полагает позицию немецкого теоретика права, ученика Г. Когена и П. Наторпа — Р. Штаммлера. Но и его подход к обоснованию закономерности правопорядка отечественный автор считает не до конца выдержанным в духе марбургской школы неокантианства. Вместо того чтобы природному началу с его причинной закономерностью полагать начало культурное и считать логикой культуры этику, Штаммлер вводит понятие социального бытия с его целеполагающей закономерностью и соответственно логикой наук о духе предполагает считать некую науку о целях.

Какой же позитивный вывод может быть сделан из всей этой критики многочисленных концепций в философии права и если ли вообще возможность такого вывода, то есть существует ли в принципе философское учение, позволяющее избежать крайностей метафизики и психологизма, с одной стороны, и все-таки претендующее на построение завершенной в своем формально-теоретическом каркасе — но не закрытой — системы философии права, с другой стороны? Савальский утвердительно отвечает на данный вопрос. Такая непротиворечивая концепция философии права, сохраняющая дух кантовского критицизма, но развивающая кантовскую практическую философию в сторону разрешения ее противоречий дуализма и формализма, предложена в этике чистой воли Германа Когена (здесь имеется в виду не только сама работа Когена «Этика чистой воли», но и работы марбургского неокантианца по логике чистого познания, эстетике чистой воли и философии религии в части их этической составляющей).

Что он имел в виду под таким громким заявлением, В. А. Савальский поясняет в своем фундаментальном исследовании, посвященном философии права марбургской школы.

Решающей для судьбы когеновского учения о праве в России оказалась полемика вокруг магистерской монографии В. А. Савальского⁴ и рецензии на нее П. И. Новгородцева. Та уни-

³ Савальский В. А. Введение в философию права // Критическое обозрение. Вып. 5. 1907. С. 11.

⁴ Показательным для отношения отечественных исследователей к марбургской школе является тот факт, что монография Савальского «Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.» оказалась единственной монографией об этой школе неокантианства на русском языке в первой половине XX в.

чижительная критика, которой мэтр подверг эту работу, не оставляла шансов ее автору для продолжения исследования философии права марбургского неокантианства. Фирменный разнос, который учинил авторитетный представитель русской философии права своему молодому коллеге, ставил, что называется, крест на возможности обстоятельной и результативной дискуссии по реальным проблемам в рамках трансцендентальной философии и на оригинальных и продуктивных решениях этих проблем в рамках когеновской системы трансцендентальной философии. Следует сразу сказать, что Новгородцев в своем неприкрыто враждебном отношении к монографии Савальского продемонстрировал нелучшие как человеческие, так и профессиональные качества. Создается стойкое убеждение в том, что агрессивно-негативный пафос философа был обусловлен критической в целом позицией Савальского в отношении своего учителя. Творческие пути двух русских мыслителей очевидно расходятся, но вместо того, чтобы попытаться понять этот свершившийся после выхода монографии факт, Новгородцев принимает решение уничтожить своего ученика, что ему и удается сделать. Не спасли Савальского и положительные в целом рецензии некоторых других отечественных авторов⁵, не имевших, к сожалению, такого авторитета в научных кругах России, который имел П. И. Новгородцев.

Обращает на себя внимание отрывочность, непоследовательность и двусмысленность оценки Новгородцевым этических построений Когена. Например, в отношении ориентирования этики марбургского неокантианца на юриспруденцию он лишь приводит такую замысловатую фразу, оставляющую прочитавшего ее

в сильном недоумении: «Мысль об ориентировании этики в юриспруденции совершенно неудачна, но она вполне оригинальна, она приводит к совершенно особенному построению этической системы»⁶.

Легко убедиться и в том, что автор сам себе противоречит, когда в начале статьи пишет о сложной, но интересной и передовой концепции этики и философии права у Когена, а в конце заявляет совершенно иное: «И вдвойне обидно и горько, когда в области философии права ищут руководства в мертвящей схоластике Германа Когена... В наше время поднимаются проблемы страшной сложности и остроты, которые и не снились старым эпохам и векам. Пред этой совокупностью современных исканий система марбургского профессора предстает во всей скудости и беспомощности неудачного кабинетного измышления»⁷.

Поэтому нельзя не согласиться с ответной репликой Савальского на огульный и бездоказательный в целом вывод Новгородцева о крушении этики чистой воли Когена: «...на такое возражение вообще мне приходится ответить и репликой вообще: анализировал и не вижу крушения»⁸.

Как нельзя не отметить вслед за В. Савальским и неприятное и непродуктивное своеобразие общего построения критических рассуждений П. Новгородцева: «...противник мой прерывает свое изложение всякий раз там, где оно начинается у него по существу»⁹.

Попробуем же разобраться, насколько критика Новгородцева работы Савальского соответствовала истинному положению изложенного в ней.

Прежде всего следует не согласиться с утверждением о том, что в работе присутству-

⁵ На работу Савальского с «положительными и нейтрально-положительными рецензиями и отзывами выступили русские марбуржцы (Фохт, Саккетти, Вышеславцев) и философы, симпатизирующие Марбургской школе (Яковенко)» (см.: Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: Марбург в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 213). Так, в частности, Борис Фохт оценил работу Савальского как первую попытку «подвергнуть обстоятельному исследованию целый ряд важнейших философских проблем в той их форме, как они ставятся и разрешаются в произведениях представителей различных направлений неокантианского движения и прежде всего в трактатах главы и родоначальника всего этого движения, Германа Когена» (см.: Фохт Б. А. В. А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1908. VII + 360 // Критическое обозрение. М., 1909. Вып. 2. С. 73—74).

⁶ Новгородцев П. И. Русский последователь Г. Когена // Вопросы философии и психологии. 1909. № 99. С. 656.

⁷ Новгородцев П. И. Указ. соч. С. 661.

⁸ Савальский В. Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. 1910. № 105. С. 361.

⁹ Савальский В. Ответ проф. Новгородцеву. С. 364.

ет слишком много авторов и лучше было бы сконцентрироваться исключительно на Когене. Представляется как раз, что заявленное исследование позиции Марбургской школы не выдержано именно из-за того, что остальные некоторые ее представители, кроме Когена, получили в нем лишь чрезвычайно фрагментарное освещение. Краткие обращения к Наторпу, Штаммлеру лишь подчеркивают значимость некоторых идей и размышлений Когена, не получивших у них должного понимания.

Представляется, что есть еще одна скрытая причина таких обвинений Новгородцева — критика Савальским баденской школы неокантианства, к которой относят и самого Новгородцева. В этой, пусть и сумбурной, полемике двух российских философов права впервые и единственный раз в истории русской философии было явлено противостояние двух неокантианских школ. В целом русское неокантианство выступало всегда единым фронтом, потому что был общий достойный противник, который доминировал в философском пространстве России, а именно русская религиозная философия¹⁰.

Кроме того, что в работе Савальского почти не представлены другие последователи марбургского неокантианства, кроме Когена, эта работа не соответствует своему названию и в другой своей части, а именно она не является исследованием философии права данной школы. Скорее здесь мы имеем дело с развернутым, не без недостатков, конечно, исследованием системы философии Германа Когена. Но данному обстоятельству есть и объективное объяснение: философия права марбургской школы, и особенно ее основателя, является неотъемлемой составной частью системы философии марбургцев и не может быть правильно понята без представления всех частей системы и их взаимосвязей. Не имея до себя ни одного серьезного исследования по марбургскому неокантианству, Савальский вынужден был обращаться к подробному изложению всех достижений и недостатков философии этой школы. Здесь можно частично согласиться с тем выводом оппонента, то есть Новгородцева, что наш автор, то есть Савальский, проявляет слишком

сильную вовлеченность в предмет исследования для его критического осмысления.

Следует сразу обратить внимание на чрезвычайно удачный выбор Савальским темы своего исследования. Ведь очевидно, что она им предложена читателю не для того, чтобы ограничиться только сферой философии права, но для того, чтобы показать главные достоинства всей системы философии Германа Когена: юриспруденция лежит в основании наук о духе, которые вместе с науками о природе через единый трансцендентальный метод и составляют целое в системе философии. Этика у Савальского — это тема, где в наибольшей степени проявлена новизна Когена по отношению к Канту, во-первых, и, во-вторых, это тема, которая в наибольшей степени разводит его с неокантианством.

Савальский ставит перед собой двуединую задачу: противопоставить неокантианство позитивизму и мистицизму (а сюда попадают материализм и русская религиозная философия, чрезвычайно распространенные в России в начале XX в.) и отделить марбургский вариант неокантианства от его баденского варианта, который он называет неокантианством. Такой работы ни до Савальского, ни после него никто из отечественных последователей неокантианства не проводил, что, несомненно, повышает ценность произведенного философом анализа.

Коген, согласно отечественному автору, выстраивает стройную систему философии, где каждому элементу отведено свое законное место и в то же самое время каждый элемент подразумевает методическим образом необходимость других элементов этой системы. Чтобы закрепить свою связь с наукой, чтобы стать реальной логикой не просто мышления как такового, но именно мышления естественных наук или природы, логика, согласно Когену, который следует здесь указаниям Канта, до конца тем не реализованным, должна стать логикой чистого познания, то есть ориентироваться на математику. Но если в логике, а следовательно, в математике и естествознании большинство принципов, методов и законов уже проверены веками и не вызывают особых сомнений у ученых, то с этикой — и здесь Савальский, как говорится, Америки не открывает — дело обстоит совсем

¹⁰ В вводной статье «От редакции» русского издания международного журнала «Логос», главного рупора неокантианской мысли, в качестве основной провозглашалась задача формирования в России свободной автономной философской традиции, опирающейся на теоретическую работу мысли, а не на готовые принципы, извлекаемые «из темных недр внутренних переживаний» (Логос. 1910. Книга первая. С. 2).

иначе. И серьезные усилия Канта в решении этической проблематики (ей он посвятил больше всех своих работ) в чем-то действительно привели к фундаментальным открытиям, но в чем-то предложили настолько неоднозначные и спорные ходы мысли, что способствовали возникновению противоречивых и ошибочных концепций даже в среде верных последователей немецкого философа. Именно поэтому и Коген, вслед за Кантом, ставит этику в центр своих философских рассуждений. Аналогично логике, ориентирующейся на математику, Коген предлагает и этику сориентировать на юриспруденцию, чтобы она могла стать, опять же подобно логике, которая в данном качестве есть логика «наук о природе», логикой «наук о духе».

При всей специфике и при всем различии сфер бытия и долженствования (сфера долженствования раскрывается в понятиях и через понятия действия, свободы, автономии и добродетели, мышления и воли), Коген настаивает на необходимости однозначного методического соотношения этих сфер: сначала логика, а потом этика, сначала бытие, а потом долженствование, а не наоборот, как у Фихте и представителей баденского неокантианства.

В этике находит свое специфическое решение проблема человека, а именно через понятие субъекта права, юридического лица. Как субъект права, человек совершает различные действия, и задача состоит в том, чтобы выявить единство действия. Последнее же реализуется только в государстве.

Государство понимается здесь не как реально-эмпирическое, а как государство — воплощение единства всеобщности, которое исключает множество разрозненных интересов и целей отдельных членов и реализует заключение их в единую общую волю. Значение государства, таким образом, состоит «не в его актуальной действительности, а в его ценности как основного этического понятия самосознания»¹¹.

Ориентирование этики в юриспруденции — то открытие Когена, которое выходит на решение сразу нескольких взаимосвязанных проблем. Во-первых, по аналогии с логикой, этика становится логикой общественных наук. Во-вторых, таким образом, выявляются новые связи логики и этики. В-третьих, этика получает более устойчивую легитимацию в практической сфере, перестает быть «формальной и пустой». Но и обратный тезис об ориентировании юриспруденции в логике и этике есть, в-четвертых, решение юридической проблемы.

В начале XX в. после почти полувекового господства позитивистской концепции в российской юриспруденции возрождается интерес к проблеме естественного права. Наиболее известным автором, обосновывающим необходимость и оправданность теории естественного права, стал Павел Новгородцев¹². Оживленную дискуссию среди отечественных философов и теоретиков права вызвала идея естественного права с изменяющимся содержанием, развиваемая учеником Когена Рудольфом Штаммлером¹³. Вступает в эту дискуссию и Савальский. Он считает, что решение юридической проблемы есть решение проблемы философии права, а решение последней всецело зависит от решения проблемы естественного права. Автор выделяет ряд понятий, которые составляют содержание философии права и по которым существуют разные точки зрения: «понятие свободы и личности, значение принуждения в праве; определение правового явления, как реальности; и учение о закономерности правовых явлений»¹⁴. И далее заявляет: «Критическая философия Когена излагает, как мы видели, свободу и личность не как эмпирический и умопостижимый факт, а как особую точку зрения, особый метод исследования, метод этической оценки, именно телеологический метод по конечной цели»¹⁵.

¹¹ Cohen H. Ethik des reinen Willens. 2. Aufl. Berlin, 1907. S. 244.

¹² См. его работы: *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896; *Он же.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901; *Он же.* Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 236—296.

¹³ Показательным в данном случае моментом служит факт перевода на русский язык двух фундаментальных работ Штаммлера, в которых как раз и обосновывается идея естественного права с изменяющимся содержанием.

¹⁴ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 206.

¹⁵ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 207.

По убеждению отечественного автора, в подходе к естественному праву критическая философия преодолевает крайности метафизики и позитивизма: «Естественное право не есть реальность, как полагала метафизика, однако же не есть и просто заблуждение, как полагает позитивизм в праве»¹⁶. И в качестве вывода по решению проблемы естественного права заявляет: «Естественное право должно быть понято как идея права, как трансцендентальная идея юридического опыта. Но идея не есть бытие, вещь, однако же и не есть небытие. Как понятие систематической философии идея есть вещь в себе, так как констатирует прерывность методов познания в целом человеческого опыта и сообразно с этим разграничивает сферы трансцендентального сознания. Как пограничное данной сфере понятие, она есть максима, точка зрения, метод. И идея естественного права должна быть изложена, с одной стороны, как вещь в себе, с другой стороны, как метод. Как вещь в себе она есть метаюридическое понятие, а как метод она есть особый способ рассмотрения положительного права»¹⁷. По мнению русского философа, теоретическое значение идеи естественного права состоит в том, что определение права никогда не будет законченным, но только относительным. Практическое же значение этой идеи в том, что она выступает как особый метод его рассмотрения, метод для его критики и оценки.

Что же касается идеи естественного права с изменяющимся содержанием, то ничего, кроме иронии, она у Савальского не вызывает: «Формула естественного права с изменяющимся содержанием имеет столько же смысла, сколько, например, формула: наука с изменяющимся содержанием»¹⁸.

Вторым важным открытием Когена в теории права после ориентирования этики в юриспруденции, то есть построения этой теории, ориентируя понятия юриспруденции в логике и этике, убежден Савальский, является мысль марбургского неокантианца о том, что философия права не может быть не чем иным, как теорией юридического опыта. Здесь, по мнению отечественного философа, вполне уместна и убедительна аналогия с теорией познания в целом, которая,

ориентируясь на научное познание, не может быть не чем иным, как теорией опыта или логикой чистого познания.

Савальский еще раз пытается обосновать верность когеновского концепта трансцендентальной философии, которая удачно концентрируется в предложенном им ориентировании этики в юриспруденции, через анализ аргументов против популярной в начале XX в. в России психологической теории известного российского и польского теоретика права Льва Петражицкого. Начиная с 1900 г. Петражицкий активно разрабатывает теорию права, основывающуюся на природе правовых и моральных эмоций¹⁹.

На самом деле, когда Коген говорит об ориентировании этики в юриспруденции, то следует подразумевать, согласно Савальскому, две необходимые коннотации: во-первых, необходимо всегда иметь в виду логику и, во-вторых, взаимообразность в данном ориентировании — как этика ориентирована в юриспруденции, так и юриспруденция ориентирована в этике. Подобная системность и взаимообразность демонстрируется и доказывается Савальским постоянно. В частности, образование юридических понятий относится к телеологическому способу образования понятий. Доказательство этого лежит в проблеме научной этики, ориентированной на логику и юриспруденцию. В свою очередь, категории юриспруденции точнее и полнее могут раскрыть основные моральные понятия, такие как моральный закон, действие, чистая воля, субъект, лицо, отношение. Эти понятия являются как понятиями этики, так и понятиями юриспруденции.

Поскольку основная задача критической философии в юриспруденции — освобождение юридических понятий от метафизики и психологии, а таковое происходит, если мы ориентируем их в этике и логике, то обращение Савальского к критике психологической концепции права Петражицкого выглядит вполне обоснованным. Прежде всего он подтверждает, что юридическая проблема формулируется как проблема юридического опыта. Последняя, в свою очередь, сосредотачивается на двух вопросах: что такое юридическая реальность и что такое юридическая закономерность. Главные посту-

¹⁶ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 208.

¹⁷ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 209.

¹⁸ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 214.

¹⁹ См. его работы: *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1905 ; *Он же.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. СПб., 1907.

латы теории Петражицкого таковы: «Правовое явление находится там и только там, где оно психически переживается...»²⁰. В своем выборе Петражицкий оказался перед дилеммой: «Правовая действительность есть или предметы внешнего мира, или психические акты. Правовая действительность не есть предметы внешнего мира.... Следовательно, правовая действительность есть психические акты»²¹.

По мнению Савальского, в отличие от Петражицкого, осознанно погрузившего правовую сферу в психологию, Коген для решения проблемы юридической реальности предлагает очень удачное понятие — понятие действия, которое преодолевает смешение генетического и систематического методов, индивидуального и трансцендентального сознания, неизбежное в психологическом методе.

Продолжая анализировать ход мысли Когена, Савальский обращает внимание на то, что юридическая реальность — это всегда реальность отношения, а юридическое отношение — это отношение двух волей. Причем правовое отношение нельзя квалифицировать по закону причинности, поскольку оно «стоит не под знаком причинности, а под знаком телоса»²².

Правовое отношение мыслимо только между субъектами. Поэтому априори для субъекта права требуется Другой. В понятии субъекта как созидающего самосознание через Другого сходятся этика и юриспруденция и через него раскрывается методологическая сторона философии права.

Чистая воля, в отличие от мышления и желания, безобъектна. Таким образом, различие логики от этики кроется в том, что проблема логики есть предмет познания, а предмет этики — субъект, самосознание. Другой есть созидающее начало Я. Самосознание обусловлено сознанием Другого, и именно здесь Савальский видит поворот этики от теологии к юриспруденции. «Поэтому и действие, — заключает он, — есть не что иное, как самораскрытие воли к самости; созидание самосознания, самосознание чистой воли»²³.

Содержание теории юридического опыта остается неполным без рассмотрения пробле-

мы государства. Поэтому Савальский останавливается на интерпретации и объяснении тех рассуждений Когена, которые посвящены решению проблемы государства. Отечественный автор обращает внимание на то, что теория критического идеализма рассматривает государство не с генетической, но систематической точки зрения, не в причинном ряду событий, но под знаком телоса. Понятое таким образом государство должно быть представлено как определенная форма общения.

Данное утверждение Савальского вызвало возражение со стороны Новгородцева. Последний настаивает на том, что Савальский искажает действительную мысль Когена о соотношении государства и индивида: если у Савальского центр тяжести перенесен в личное моральное творчество, у самого Когена «он лежит в руководящем значении идеи государства»²⁴. Однако Савальский справедливо полагает данные обвинения не соответствующими действительности, поскольку эти два суждения, а именно личное моральное творчество и руководящая роль идеи государства, находятся не в состоянии противоречия, а в состоянии взаимодополнительности. Для моральной воли индивида, как и для его мышления, согласно Когену, не нужны никакие иные начала, кроме самой воли и самого мышления. Идея государства задает творческому началу человеческой воли вектор ее творчества. Савальский подчеркивает ту очевидную для него мысль Когена, что моральное творчество индивида «должно двигаться в направлении созидания совершенного государства через реформы и вообще через справедливое законодательство. Моральное творчество должно идти и стремиться не к устранению правового порядка, и не к замене его каким-то другим, вне правовым... а к улучшению правового порядка, к его “идеализации”, т.е. к реализации в нем нравственной идеи»²⁵.

Таким образом, в своей работе Савальский стремился представить философскую позицию Германа Когена как самую выверенную, последовательную и продуктивную систему трансцендентального идеализма. Эта система стала фундаментальным открытием Канта,

²⁰ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 289.

²¹ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 291.

²² Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 298.

²³ Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. С. 305.

²⁴ Новгородцев П. И. Русский последователь Г. Когена. С. 660.

²⁵ Савальский В. Ответ проф. Новгородцеву. С. 366—367.

однако в силу разного рода причин она осталась у него принципиально не доработанной, именно в философско-методологической, то есть трансцендентальной, ее части. Наиболее очевидными чертами такой незавершенности — в данном случае следует вести речь о незавершенности кантовской системы, а не об ее открытости, — которые оказались, что называется, камнем преткновения для всех последующих исследователей трансцендентальной философии, приводящим к ошибочным размышлениям и субъективным интерпретациям, стали пресловутая вещь в себе (или вещь сама по себе), точнее ее трансцендентность по отношению к тому, что она и начинает, то есть процессу познания, и оторванность этики от реальной научной почвы, то есть, по сути, ее не научный, а субъективно-произвольный характер. И если в логике мышления «несовершенство» кантовской интерпретации вещи в себе еще не так принципиальна и трагична, то в этике она, в совокупности с отсутствием научного аналога математики для логики, приводит к неисправимым последствиям для всей кантовской системы, показателем чего и стала философия Фихте.

Поэтому Канта необходимо понимать исключительно системно, иначе рецидивы позитивизма (материализма), с одной стороны, и фихтеанства — с другой, неизбежны, о чем свидетельствует развитие всей послекантовской философии. Подход Германа Когена, на что Савальский в своей работе сделал особый акцент, отличается ото всех прочих интерпретаций Канта наибольшей системностью, что, ввиду выявляемой в таком подходе очевидной и уже непоправимой внутри кантовской

системы коррозии, ведет к пересозданию всей системы трансцендентальной философии.

Следует отметить и то, что все основные недостатки фундаментального исследования Вассилия Савальского так или иначе связаны с тем, что, рассматривая философскую систему главы марбургской школы неокантианства, он ввиду отсутствия еще у самого Когена заключительной части его системы, а именно философии религии, не смог верно представить во всем его противоречивом объеме два центральных понятия как этической, так и религиозной части систематических построений марбургского неокантианца, а именно понятия Бога (идею Бога) и человека (индивида).

Индивид становится юридическим лицом, то есть растворяется в юридической реальности и юридических отношениях, следовательно, теряет свои чисто индивидуальные, самостные черты. Но что это за самость, индивидуальность? Как ее понять, а тем более описать? Средств науки здесь явно недостаточно, она всегда будет оперировать неким обобщающим образом (понятием) человека. Именно поэтому Коген обращается в зрелом периоде своего творчества к исследованию феномена религии и открывает индивида как единственного через его греховность и корреляцию с единственным Богом в «*Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*». Как верно подмечает А. Пома, как раз «в этом состоит “триумф религии”, дополняющий триумф этики и не противоречащий ему: в понимании индивидуума как рационального бытия, а значит, бытия нравственного, поскольку он индивидуален, а не просто причастен человечеству, а значит, во внесении особого богатства индивидуума в процесс реализации человечества»²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: Марбург в России. Историко-философские очерки. — М., 2007. — 512 с.
2. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба : опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. — М., 1896. — 238 с.
3. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. — М., 1901. — 248 с.
4. Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. — М., 1902. — С. 236—296.
5. Новгородцев П. И. Русский последователь Г. Когена // Вопросы философии и психологии. — 1909. — № 99. — С. 636—662.
6. От редакции // Логос. — 1910. — Книга первая. — С. 1—9.

²⁶ Пома А. Критическая философия Германа Когена. М., 2012. С. 267.

7. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. — СПб., 1905. — 271 с.
8. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. — СПб., 1907. — Т. 1. — 308 с., Т. 2. — С. 309—656.
9. *Пома А.* Критическая философия Германа Когена. — М., 2012. — 319 с.
10. *Рябов П. В.* Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А. А. Борового // Кантовский сборник. — 2010. — № 4. — С. 97—104.
11. *Савальский В.* Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. — 1910. — № 105. — С. 341—382.
12. *Савальский В. А.* Введение в философию права // Критическое обозрение. — 1907. — Вып. 5. — С. 6—13.
13. *Савальский В. А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.— М., 1908. — Т. 1. — 360 с.
14. *Фохт Б. А. В. А. Савальский.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1908. VII + 360 // Критическое обозрение. — М., 1909. — Вып. 2. — С. 66—74.
15. *Cohen H.* Ethik des reinen Willens. — 2. Aufl. — Berlin, 1907. — 679 S.

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2018 г.

P.I. NOVGORODTSEV'S NEO-KANTIANISM: NOVGORODTSEV AND SAVALSKIY DEBATE²⁷

BELOV Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge of the RUDN University
belovvvn@rambler.ru
117198, Russia, Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, d. 6

Abstract. *The paper presents an analysis of one episode from the life of two Russian scientists, namely the discussion between P. Novgorodtsev and his student V. Savalskiy. All the poignancy of the episode lies in the fact that both opposing thinkers had been followers of neokantianism trends in philosophy, and defended the concept of natural law. In addition, a detailed description of life and work of the little-known philosopher of law Vasiliy Alexandrovich Savalskiy is given. It is noted that at the beginning of his scientific search, he became the main researcher and critic of the teachings of neo-kantians in Russia. During his time at the University of Warsaw V. Savalskiy studied the problems of history and theory of state and law, constitutional law.*

Keywords: *Russian and German Neo-Kantianism, philosophy of law, G. Kogen, I. Kant.*

REFERENCES

1. Dmitrieva N.A. *Russkoe neokantianstvo: Marburg v Rossii: istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: Marburg in Russia. Historical and philosophical essays]. M., 2007. 512 p.
2. Novgorodtsev P.I. *Istoricheskaya shkola yuristov, ee proiskhozhdenie i sudba: opyt kharakteristiki osnov shkoly Savini v ikh posledovatel'nom razvitii* [Historical school of lawyers, its origin and destiny: experience of the characteristics of the basics of the Savigny school in their consistent development]. Moscow, 1896. 238 p.
3. Novgorodtsev P.I. *Kant i Gegel v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve. Dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava* [Kant and Hegel in their doctrines on law and state. Two typical constructions in the field of philosophy of law]. Moscow, 1901. 248 p.
4. Novgorodtsev P.I. *Nravstvennyy idealizm v filosofii prava (k voprosu o vrozozhdenii estestvennogo prava)* [Moral idealism in the philosophy of law (on the revival of natural law)]. Problemy idealizma [Problems of idealism]. Moscow, 1902. Pp. 236—296.

²⁷ The article was prepared with the financial support for the initiative theme of research № 100412-0-000 «Science and myth».

5. Novgorodtsev P.I. *Russkiy posledovatel G. Kogena* [Russian follower of G. Cohen]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology]. 1909. No. 99. Pp. 636—662.
6. Ot redaktsii [Editorial Note]. Logos Publ. 1910. Kniga pervaya [Book one]. Pp. 1—9.
7. Petrazhitskiy L.I. *Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti* [Introduction to the study of law and morality]. St. Petersburg, 1905. 271 p.
8. Petrazhitskiy L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti: v 2 t.* [Theory of law and state in connection with the theory of morality: in 2 vol.]. St. Petersburg, 1907. Vol. 1. 308 p., Vol. 2. Pp. 309—656.
9. Poma A. *Kriticheskaya filosofiya Germana Kogena* [Critical philosophy of German Cohen]. Moscow, 2012. 319 p.
10. Ryabov P.V. *Rossiyskoe kantianstvo i neokantianstvo nachala XX veka v neopublikovannykh memuarakh A.A. Borovogo* [Russian Kantianism and Neo-Kantianism of the early 20th century in the unpublished memoirs of the A.A. Borovoy]. *Kantovskiy sbornik* [Kant's collection]. 2010. No. 4. Pp. 97—104.
11. Savalskiy V. *Otvet prof. Novgorodtsevu* [Response to Prof. Novgorodtsev]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology]. 1910. No. 105. Pp. 341—382.
12. Savalskiy V.A. *Vvedenie v filosofiyu prava* [Introduction to the philosophy of law]. *Kriticheskoe obozrenie* [Critical review]. 1907. Vol. 5. Pp. 6—13.
13. Savalskiy V.A. *Osnovy filosofii prava v nauchnom idealizme. Marburgskaya shkola filosofii: Kogen, Natorp, Shtammler i dr.* [Fundamentals of the philosophy of law in scientific idealism. Marburg school of philosophy: Cohen, Natorp, Stammler et al.]. 1908. Vol. 1. 360 p.
14. Fokht B.A. *V.A. Savalskiy. Osnovy filosofii prava v nauchnom idealizme. Marburgskaya shkola filosofii: Kogen, Natorp, Shtammler i dr.* [V.A. Savalskiy. The Foundations of the philosophy of law of scientific idealism. Marburg school of philosophy: Cohen, Natorp, Stammler, et al.]. Vol.1. Moscow, 1908. VII + 360. Critical review. Moscow, 1909. Vol. 2. Pp. 66—74.
15. Cohen H. *Ethik des reinen Willens*. 2. Aufl. Berlin, 1907. 679 p.